

# Сборники о Коммиссаржевской.

Въ годовщину скорбнаго дня, въ который русскій театръ потерялъ Коммиссаржевскую, вышли двѣ книги, два большихъ сборника «Памяти Коммиссаржевской». Въ нихъ интересно разказаны многія подробности о жизни и творческой работѣ В. О., сдѣлана попытка соединенными усилиями нѣсколькихъ близко ее знавшихъ и нѣжно любившихъ уберечь отъ разрушенія временемъ ея чистый образъ и сохранить память о томъ, что съ полной справедливостью названо «подвигомъ ея жизни». Какъ бы ни были сборники богаты недочетами и недостатками, нельзя ихъ не привѣтствовать,—для Коммиссаржевской сдѣлано то, чего не сдѣлали для очень и очень многихъ героевъ русскаго театра: въ искреннемъ и правдивомъ, а иногда и образномъ словѣ закрѣпленъ слѣдъ актрисы, чтобы не обратилась она черезъ десятокъ лѣтъ въ нѣкоторый мигъ, какъ это приключилось со столькими другими въ театрѣ. Попробуйте теперь возстановить сколько-нибудь полно фигуры даже такихъ колоссовъ нашей сцены, какъ Мартыновъ или Сергѣй Васильевъ, или Николай Рыбаковъ, — вы въ безнадежности отступите отъ такой задачи. Точно жили они, почти-что наши современники, въ какой-то легендарный вѣкъ. И съ печалью думаешь, что вотъ пройдетъ еще немного времени, — и въ такой же мѣрѣ станетъ это неосуществимымъ относительно А. П. Ленскаго.

Одинъ изъ сборниковъ «Памяти Коммиссаржевской» редактированъ Е. П. Карповымъ, который, какъ режиссеръ Александринскаго театра, былъ близкимъ свидѣтелемъ работы В. О. въ этомъ театрѣ, сразу оцѣнилъ и полюбилъ ея нѣжный талантъ и съ тѣхъ поръ остался съ Коммиссаржевской въ тѣсной дружбѣ, хотя пути ихъ художественной дѣятельности значительно разошлись. Г. Карповъ остался на старомъ берегу, а Коммиссаржевская унеслась къ инымъ, неяснымъ, но манящимъ берегамъ. Это расхождение сказалось отчасти и въ редактированномъ г. Карповымъ сборникѣ, ввело въ него кое-гдѣ полемическія ноты, конечно, не по адресу самой В. О., но относительно тѣхъ теченій и броженій въ искусствѣ театра и актера, которыя оставшемуся на старомъ берегу не могли не казаться только печальными заблужденіями и которымъ неугомонная, увлекающаяся душа Коммиссаржевской отдала столько силъ и восторговъ.

Самому редактору принадлежить, во-первыхъ, вступительный очеркъ сборника, представляющій какъ бы краткій біографическій конспектъ и начинающій свое повѣствованіе съ первыхъ дней жизни будущей знаменитой актрисы. Кромѣ того г. Карповымъ описана та полоса сцениче-

ской жизни В. О., что протекла въ Александринскомъ театрѣ, когда слагалась и сценическая физіономія, и слава Коммиссаржевской. То, что предшествовало Петербургу, ранне и уже такъ много общавшіе театральные шаги въ провинціи, въ Новочеркасскѣ, въ Вильнѣ, изображены въ очеркѣ С. Я. Поѣзкамъ по Россіи, въ частности—мос. овскимъ спектаклямъ посвященъ очеркъ г. Окулова-Тамарина; въ другомъ очеркѣ тотъ же авторъ пробуетъ разобраться въ отношеніяхъ В. О. къ себѣ самой, въ ея взглядахъ на театръ и его искусство въ различные моменты ея художественной эволюціи, между прочимъ на томъ важномъ рубежѣ, съ котораго началось служеніе Коммиссаржевской и ея театра сценическому модернизму. Этой полосѣ театральной жизни Коммиссаржевской посвящены очерки ея брата, О. О. Коммиссаржевскаго, на мой взглядъ, самыя интересныя въ сборникѣ, богатые фактическимъ матеріаломъ, имѣющимъ несомнѣнное значеніе не только въ біографіи В. О., но и въ исторіи русскаго театра въ послѣднюю его стацию. Одинъ изъ очерковъ г. Коммиссаржевскаго посвященъ поездкѣ Коммиссаржевской и ея труппы въ Америку, кончившейся такъ печально. Въ очеркѣ впервые разказаны многія подробности этой поездки, тѣ мытарства, какія пришлось перенести тамъ, за океаномъ, Вѣрѣ Федоровнѣ, выслушивавшей отъ печати укоры за самонадѣянное конкуррированіе со знаменитой русско-американской актрисой Назимовой и т. п. Съ обстоятельностью записаны всѣ подробности «послѣдняго пути» В. О. въ очеркѣ г. Дьяконова. Съ большою силою искренности, съ захватывающею болью описаны тутъ послѣдніе дни и страшная смерть Вѣры Федоровны. Въ своей совокупности перечисленные очерки даютъ какъ бы сценическую біографію знаменитой актрисы, достаточно богатую фактическимъ матеріаломъ. Хорошее дополненіе къ этой коллективной біографіи—списокъ ролей, какія когда-либо играла Коммиссаржевская: списокъ придерживается по возможности хронологическаго порядка, начинается деснякомъ водевилей, всѣми «Искорками» и «Шашками», кончается «Промѣтѣемъ» Пшибышевскаго. Попытки нарисовать образъ Коммиссаржевской связаны въ очеркахъ гг. Вѣляева и Ярцева. Одинъ очеркъ, впрочемъ весьма поверхностный, пробуетъ сопоставить Коммиссаржевскую съ Чеховымъ. Интересны отрывки изъ писемъ В. О., собранные и сгруппированные г. Бравичемъ (эти отрывки уже были въ печати, вскорѣ послѣ кончины В. О.); большой интересъ имѣютъ нѣсколько писемъ къ Коммиссаржевской Чехова. Въ этихъ письмахъ можно найти нѣсколько данныхъ для исторіи «Трехъ сестеръ» и «Вишневаго сада». Пропервую Чехова между прочимъ писалъ Коммиссаржевской: «Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю—неудобная, потому что въ ней четыре героини, и настроеніе, какъ говорить, мрачнѣе мрачнаго». Про «Вишневый садъ» Чеховъ, между прочимъ писалъ: «Въ этой пьесѣ центральная роль—старухи,—къ великому сожалѣнію автора». Сборникъ очень обильно иллюстрированъ: свыше полтораста портретовъ В. О. Но количество не могло не отразиться на качествахъ воспроизведенія многихъ фотографій далеко отъ совершенства. Въ немъ еще нѣкоторыя иллюстраціи—домъ Фрея, гдѣ настигла В. О. смерть, видъ могилы, похоронныя процессіи и т. д. Воспроизведено въ факсимиле извѣстное, такъ взволновавшее письмо В. О. къ своей труппѣ, въ которомъ она сообщаетъ о своемъ рѣшеніи уйти изъ театра.

Второй сборникъ, посвященный памяти Коммиссаржевской, названъ не безъ затѣйливости — «Алконостъ», какъ впрочемъ затѣйливо многое въ этомъ, по внѣшности чрезвычайно изящномъ и нарядномъ сборникѣ. Затѣйливо и обращеніе издателей (гг. Гайдебурова и Скарской, сестры В. О.) къ публикѣ со ссылкой на «Аріану, которая любитъ восходить на высоту», и манера письма въ нѣсколькихъ статьяхъ,—самого издателя, г. Гайдебурова, въ томъ числѣ.

«Три райскихъ птицы искусства извѣстны были русской древности, три мудрыя райскія птицы: Гамаюнъ, птица вѣщая, Сиринъ, птица радости, и птица печали,—райская птица Алконостъ». Такъ объясняетъ предисловіе имя сборника. Какъ біографическій матеріалъ интересны воспоминанія матери В. О. объ ея дѣтскихъ годахъ, о первыхъ театральныя шагахъ; есть интересное и въ очеркѣ г. Гайдебурова «Испытаніе лаврами», но очень его портятъ всякія вычурныя, какою-то нарочитая значительность, а вмѣстѣ съ нею—поверхностная и такъ неидущая къ сборнику «Памяти» обличительность и надорванность тона. Тѣмъ же, обличительностью, грѣшитъ очеркъ г-жи Колотовской, которая говоритъ о театрѣ В. О. въ пассажѣ. Интересна «Лѣтопись театра на Офицерской», составленная однимъ изъ близкихъ участниковъ этого театра г. Золотовымъ, раздѣляющимъ всѣ художественныя увлеченія В. О. Въ его глазахъ, въ этомъ театрѣ совершались «подлинныя художественныя мессы». Тому же автору принадлежатъ «Воспоминанія о концѣ». Еще нѣсколько очерковъ съ воспоминаніями и характеристиками. Красиво написанъ небольшой очеркъ Федора Сологуба, подчеркивающій какъ самое важное въ Коммиссаржевской, что она всегда «умѣла ставить себѣ цѣли выше своихъ силъ и искать жатвъ тамъ, гдѣ еще никто не сѣялъ». Сборникъ не такъ богатъ портретами, какъ карповскій, но воспроизведены они тутъ много лучше. И вообще весь сборникъ много лучше.

И еще сборникъ о Коммиссаржевской. Какъ по крайней мѣрѣ можно заключить по бѣлой обложкѣ пухлаго томика Александра Новосельскаго «Памятникъ Вѣрѣ Коммиссаржевской» и ея портретикъ. На титульномъ листѣ заглавіе нѣсколько измѣнено: уже не «Памятникъ», а «Памяти Вѣры Коммиссаржевской», и вмѣсто портретика—какая-то клякса, которая, кажется, должна означать силуэтъ. Однако ни первое, ни второе наименованіе не имѣютъ абсолютно никакого отношенія къ тому, что заключено подъ бѣлой обложкой. И Коммиссаржевская тутъ ровно ни при чемъ. Почему это называется «Памятникъ Коммиссаржевской», а не «Памятникъ Рашели» или еще кому-нибудь, отвѣтить нельзя, потому что о Коммиссаржевской въ этой странной книгѣ столько же разговора, какъ и о Рашели, т. е. ровно никакого... О содержаніи книги говорить не стану и потому, что оно не стоитъ ни въ какой связи съ предметомъ моей замѣтки, да и по самому характеру этого содержанія, которое чѣмъ больше съ нимъ знакомиться, тѣмъ глубже повергаетъ въ недоумѣніе. Кончается странный авторъ предложеніемъ «создать такой театръ, гдѣ актера не было бы совсѣмъ», а были бы одиѣ декоратіи. За актера же пусть работаетъ творчество зрителя... Ну, можетъ ли актриса Коммиссаржевская желать лучшаго себѣ «памятника», чѣмъ диссертация г. Новосельскаго о театрѣ безъ актера?..